

М. Г. Ваняшова

«Поэзия... должна быть глуповата»

Концепт «поэзия» для Пушкина универсален, шире области лирической поэзии и подразумевает в целом искусство и творчество. Рациональный ум враждебен поэзии, не терпит свободы, пытается обуздать и укротить свободное течение поэтической силы и вдохновения. Афоризм о «глуповатости» поэзии на самом деле скрывает истину Пушкина о мудрости поэта.

Ключевые слова: ум-глупость, рационалистический дискурс, скоморошество, юродивость, линейное мышление, утилитаризм, морализаторство.

M. G. Vanyashova

"Poetry ... Must Be Silly"

The concept «poetry» for Pushkin is universal, wider than lyrical poetry and means as a whole art and creativity. Rational mind is hostile to poetry, doesn't endure freedom, tries to bridle and subdue a free current of poetic force and inspiration. The aphorism about poetry «stupidity» actually hides Pushkin's truth about wisdom of the poet.

Keywords: mind-stupidity, rationalistic discourse, buffoonery, holy fool, linear thinking, utilitarianism, moralising.

Как известно, Пушкин считал, что способность к парадоксальному мышлению соположна гениальности: «Гений – парадоксов друг...» Известны четыре основных пушкинских парадокса о природе, особенностях и назначении искусства.

«Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата».

«Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии».

«Поэзия выше нравственности».

«Цель поэзии – поэзия...».

К первому пушкинскому афоризму – «Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата...» – читающие Пушкина склонны подчас относиться, в лучшем случае, как к недоразумению или причуде поэта («гению все прощительно!»). Второму – о природе вдохновения – придают, не без основания, универсальные смыслы. Хотя история возникновения этого высказывания весьма любопытна для понимания пушкинского творчества.

Третий и четвертый парадоксы Пушкина – «Поэзия выше нравственности» и «Цель поэзии – поэзия» – взрывают обывательские представления о соотношении поэзии (искусства в целом) и нравственности.

Пушкинские афоризмы лукавы и не подлежат прямолинейной расшифровке. Их часто читают поверхностно, прямолинейно, неверно истолковывая, искажая их смыслы. Между тем, за каж-

дым афоризмом вырастают особые глубинные сюжеты, их объединяют общие эстетические и этические проблемы, а смысловая наполненность открывается далеко не сразу.

Все пушкинские парадоксы рождены в один и тот же период, на рубеже 1825–1826 гг., когда Пушкин находился в ссылке в родовом имении Михайловском. Это рубежное, кризисное время. Заточение в родном доме, невозможность выезда, общения с друзьями. Россия переживает события 14 декабря, Пушкин – судьбу друзей, повешенных или отправленных на каторгу.

«Парадоксы о поэзии» связаны перепиской Пушкина и Жуковского, Пушкина и Вяземского, заметками Пушкина на полях опубликованных статей Вяземского (о драматургии Владислава Озерова) и Кюхельбекера (о вдохновении в поэзии). Тем острее его заметки о природе и назначении искусства. Концепт «поэзия», звучащий в каждом афоризме, универсален, шире области лирической поэзии и подразумевает в целом искусство и творчество. В том числе и творчество театральное. Реформы Пушкина, произведенные им в области драмы и театра, в дальнейшем явились фундаментом, опорой науки о своеобразии русской актерской школы. Именно пушкинские размышления об «истинности страстей и правдоподобии чувствований» легли в основу системы Станиславского. Собственно, все вышена-

званные соображения и послужили стимулом к появлению настоящей работы, посвященной не столько «приключениям идей», сколько вечным и давним проблемам соотношения эстетического и этического в сфере искусства и литературы, а следовательно, их роли в процессе подготовки будущих актеров, режиссеров, художников, театроведов.

Фразу Пушкина о «глуповатости» поэзии мы встречаем часто, и, кроме всего прочего, в разделе известной книги К. С. Станиславского «Работа актера над собой».

«Пашиа вбежал на подмости, сдернул со стула суконную скатерть, которая выбросила из себя столб пыли, обернул ею первую попавшуюся деревяшку, вроде полена, и стал убаюкивать мнимого младенца.

– Почему вы держите его на весу, а не прижимаете к телу? – спросил Аркадий Николаевич.

– Чтоб не измять скатерти, – объяснил Пашиа. – Кроме того, она очень пыльная! – добавил он.

– Эге! – воскликнул Торцов. – Ваша наивность расчеллива. Вы недостаточно «дурак», чтобы быть в момент творчества наивным как ребенок, – решил Аркадий Николаевич.

– «Дурак»? – недоумевали мы. – Разве артист должен быть глупым?

– Да, если вы считаете, что ребенок, или сказочный гениальный Иван-дурак, глупы в своей наивности, простоте и благородстве. Быть таким благородным, доверчивым, мудрым, бескорыстным, таким бесстрашным, самоотверженным дураком, каким мы знаем сказочного Ивана, – великое дело. Он получил свое прозвание не потому, что у него нет ума, а потому, что он наивен. Будьте же и вы таким, если не в жизни, то на сцене. Это золотое свойство для актера. Недаром же сам А. С. Пушкин сказал: «Поэзия, прости, Господи, должна быть глуповата». (Выделено мной. – М. В.)

– Как же сделаться наивным? – недоумевал я.

– Делать этого нельзя, потому что в результате получится наивничание, худший из актерских недостатков. Поэтому будьте наивны постольку, поскольку это вам свойственно. Каждый артист до известного предела наивен. Но в жизни он стыдится этого и скрывает свое природное свойство. Не делайте же этого по крайней мере на подмостках... Помогают наивности ее лучшие друзья – правда и вера <...>

– А если я не наивен по природе? – поставил вопрос Шустов.

– Не наивные в жизни могут стать наивными на сцене, в процессе творчества. Следует отличать природную наивность от сценической, хотя, к слову сказать, они отлично уживаются вместе, – объяснил мимоходом Аркадий Николаевич.¹

Под маской «глуповатости» сказочного Ивана-дурака Станиславский, разумеется, подразумевал не только наивность, но десятки отнюдь не вы-

«Поэзия... должна быть глуповата»

ставленных напоказ первейших человеческих свойств – благородство, доверчивость, мудрость, бескорыстие, бесстрашие, самоотверженность...» Это была, так сказать, «неизмятая скатерть» русского национального характера, как выявилась она в народных сказках. Однако с течением времени скатерть изрядно запылилась, и сегодня рассуждения о наивности, доверчивости и «бескорыстии» могут показаться устаревшими предрассудками. Диапазон пушкинского парадокса о «глуповатости» имеет множество иных аспектов. Важно осмыслить глубинный смысл и контекст пушкинских размышлений, позволяющий расширить смысловые уровни понимания отдельного, обособленного выражения, выхваченного прихотливой читательской фантазией из цельного текста.

«Тут замолчишь поневоле...»

Пушкин – Вяземскому. Конец апреля – начало мая 1826 г. Михайловское. *Милый мой Вяземский, ты молчишь, и я молчу; и хорошо делаем – потолкуем когда-нибудь на досуге...*

Вяземский. – Пушкину 10 мая 1826 года.

...Ты жалуешься на мое молчание: я на твое. Кто прав? Кто виноват? Оба. Было время не до писем...

Молчание Пушкина, Вяземского и многих друзей пушкинского круга объясняется трагедией 14 декабря. Переписка обрывается почти на полтора месяца и возобновляется лишь с наступлением весны. Пушкин и его адресаты стараются не пользоваться услугами почты. Письма чаще всего передаются с оказией.

Вяземский – Пушкину. *...Мы опять имели несчастье лишиться сына 3-х летнего. Из 5 сыновей остается один. Тут замолчишь поневоле. Теперь я был болен недели с две. Вот тебе бюджет моего времени не завидный. Скучно, грустно, душно, тяжело. Я рад, что ты здоров, и не был растревожен. Сиди смирно, пиши, пиши стихи и отдавай в печать!.. Я надеюсь, что дело обойдется для тебя хорошо.²*

Вяземский, страдающий из-за потери сына, объясняет свое молчание и пытается ободрить Пушкина, томящегося в ссылке в Михайловском. Ему известно, что Пушкин отправил письмо на Высочайшее имя с просьбой позволить ему жить в Москве или Петербурге и теперь – в ожидании. Отсюда и совет: «Сиди смирно» (в подтексте – «не обостряй положение»). Вяземский имел основания для подобных советов, поскольку в свое время (в 1821 году) навлек на себя яростный гнев

Александра I своим вольномыслием и вынужден был покинуть службу, жить в подмосковном имении Остафьево.

Вяземский почти повторяет Жуковского, который также последовательно пытался «вразумить» Пушкина: *«Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминать о себе и писать, но писать для славы. Дай пройти несчастному этому времени»* (Письмо Жуковского Пушкину от 12 апреля 1826 года)³

Пушкин в ответном письме Вяземскому пишет с философской горечью о трагических потерях в семье друга (смерть последовательно уносит одного за другим четырех малолетних сыновей Петра Андреевича).

«Судьба не перестает с тобою проказить. Не сердись на нее, не ведает бо, что творит. Представь себе ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит ее на цепь? не ты, не я, никто. Делать нечего, так и говорить нечего».

Пушкин прибегает к сравнению Обезьяны с Судьбой, преобразовывая привычных для его времени ручных обезьян-гадателей, которые вытаскивали листок «с судьбой» из шкасточки своего хозяина. Обезьяна олицетворяла случай, Судьбу, над которой человек не властен. У Пушкина обезьяна – Рок, Фатум.

Судьба не уставала «проказить» и с самим Пушкиным, обратив его в затворника, с одной стороны, а с другой... в ветреника. Дальний план «обезьяньего» лика – сам Пушкин, “смесь обезьяны с тигром”, как поэт о себе отзывался. Вот одна из автохарактеристик поэта: «Сущий бес в проказах, Сушная обезьяна лицом, Много, слишком много ветренности – Да, таков Пушкин» (А. С. Пушкин. «Мой портрет»).⁴

В контексте всего письма игровая дефиниция *ум-глупость* возникает согласно «законам сцепления», как метасюжет, многоаспектно, приобретающая самые разные значения.

1. «Глуповатость» как ветренность

Пушкин – Вяземскому.

Конец апреля – начало мая 1826 г. Михайловское.

...Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится – а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи). Ты видишь, что тут

есть о чем написать целое послание во вкусе Жуковского о попе: но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах.

При сем с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется – а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, – хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно, ей Богу... но тут уж не до совести. Прощай, мой ангел, болен ли ты, или нет; мы все больны – кто чем. Ответай же подробно.

10 мая 1826 года. Вяземский – Пушкину в Михайловское:

Твоя грамота едет завтра с отцом своим и семейством в Болдино, куда назначен он твоим отцом управляющим. Какой же способ остановить дочь здесь и для какой пользы? Без ведома отца ее сделать этого нельзя, а с ведома его лучше же ей быть при семействе своем. Мой совет: написать тебе полу-любовное, полураскаятельное, полу-помещичье письмо блудному твоему тестю, во всем ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручить на его ответственность, напомнив, что некогда, волею Божиею, ты будешь его баарином и тогда сочтешься с ним в хорошем или худом исполнении твоего поручения. Другого средства не вижу, как уладить это по совести, благоразумию и к общей выгоде. Я рад был бы быть восприемником и незаконного твоего Бахчисарайского фонтана <...>, но оно не исполнительно и не удовлетворительно.

Пушкин – Вяземскому. Вторая половина (не позднее 24) мая 1826 г.

Из Михайловского в Москву

*Видел ли ты мою Эду?⁵ вручила ли она тебе мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?.. Как же ты можешь дивиться моему упрямству** и приверженности к настоящему положению? – Счастливее, чем Андрей Шенье, – я живо слышу голос вдохновения. Твои стихи к Мнимой Красавице (ах извини: Счастливнице) слишком умны. – А поэзия, прости Господи, должна быть глуповата... (Выделено мной. – М. В.) Экой ты неумчивый, как говорит моя няня... Напиши же мне что-нибудь, моя радость, Я без твоих писем глупею: это нездорово, хоть я и поэт.*

В контексте переписки «глуповатость» – отсылка Пушкина к собственной ветренности и попытка совестливого извинения. «Ветренность» (не «глупость», а именно «глуповатость») вовсе не

сродни, как представляется Пушкину, «уму» тех, кто отваживается на здоровую семейную жизнь (как Баратынский, женившийся на А. Энгельгардт, или как Вяземский, который был бы умнее, коли не женился бы...

«Напиши же мне что-нибудь, моя радость. **Я без твоих писем глупею:** это нездорово, хоть я и поэт». «Правда ли, что Баратынский женится? **боюсь за его ум** <...> Ты м. б. – исключение. Но и тут я уверен, **что ты гораздо был бы умнее**, если лет еще 10 был холостой. Брак холостит душу. Прощай и пиши» (Выделено мной. – М. В.)

2. «Глуповатость» как маска юродивого

«Твои стихи умны..., – констатирует Пушкин. – А поэзия, прости Господи, должна быть глуповата». Далее идет характеристика: «*Экий ты неумчивый, как говорит моя няня...*» В пушкинистике *неумчивость*» осталась незамеченной и нигде не комментировалась. Эпитет амбивалентен, у него двойной смысл. *Неумчивый* – означает неукротимый (особенно в страстях), неуправляемый... Так няня обращалась к Пушкину. Пушкин, адресуя характеристику Вяземскому, говорит о себе. Он, Пушкин, *неумчив* и в своей ветрености, и в своем вольномыслии^{***}. По отношению к Вяземскому эпитет обретает иной смысл. По Далю, *неумчивый* – еще и беспокорный, неуправляемый. Вяземский *неумчив* в стремлении сблизиться с Пушкином, *неумчив* в своих предостережениях и призывах к осторожности. Нравоучения друзей, обращенные к Пушкину: «Сиди смирно...», «Пиши для славы (государя)...», etc. – были явно не нраву поэту.

Сделай милость, – призывает в который раз Вяземский, – *будь осторожен на язык и на перо. Не играй своим будущим. Теперешняя ссылка твоя лучше всякого места... Ты довольно сыграл пажеских шуток с правительством; довольно подразнил его, и полно!*⁶ Сам Вяземский, когда его упрекали в поэтической лени, отвечал:

*Благодарю за похвалы и пени, –
Но не ленив, а осторожен я!*⁷

Отвечая Вяземскому, Пушкин настаивает на свободе творчества: «Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима»⁸. Однако эзопов язык в его дружеских эпистолярных очевиден и проявляется так же, как и в трагедии «Борис Годунов», над которой он работает в течение 1824–1825 гг.

Благодарю от души Карамзина за Железный Колпак^{***}, *что он мне присылает; в замену ото-*

*шло ему по почте свой цветной, который полно мне таскать. В самом деле, не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее! Сегодня кончил я 2-ую часть моей трагедии – всех, думаю, будет 4...*⁹

<...> *Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию – навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!..*¹⁰

Жуковский надеялся, что Пушкин поступит благоразумно и попытается «*выехать в лицах юродивого*», то есть через Юродивого показать собственное верноподданничество. «Торчат!» – усмехается Пушкин, свидетельствуя о своем скоморошестве в трагедии. Юродивый – одна из первых фигур трагедии, через его «глуповатость» пронзительно звучит истина, «мнение народное».

Неумчивость пушкинской юродивости противостоит *неумчивости* осторожных предостережений Вяземского. Конечно, Вяземский пытался сблизиться с другом, оградить его от новых преследований. Но и Вяземский в своих письмах играл «пажеские шутки», являясь в роли верноподданного, простодушного слуги государева. При первой возможности он с оказией отправлял друзьями другие, секретные, «неосторожные» письма. Противник самовластия, автор вольнолюбивых стихотворений, опальный Вяземский пережил свои «грозы», гнев Александра I, избрав уединенную жизнь в подмосковном имении. Он не стал членом декабристских организаций, не случайно потомки назовут его «декабристом без декабря».

3. «Глуповатость» как антитеза рационалистического дискурса

В свое время Пушкин написал на Вяземского эпиграмму.

*Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным
умом
И простодушие с язвительной улыбкой!*¹¹

Некоторые исследователи, исходя из текста эпиграммы, полагают, что Пушкин считал *ошибкой* соединение в поэтической сущности простодушия и язвительности со страстью к сочинению стихов. Подлинный смысл эпиграммы, на наш взгляд, в том, что *счастливый баловень*, выходец из *знатного* и богатого княжеского *рода* не должен был увлекаться *возвышенной* сферой творчества, то есть поэзией.

*Ты счастлив, друг сердечный!
В спокойствии златом
Течет твой век беспечный,
Проходит день за днем:
И ты в беседах Граций
Не зная черных бед,
Живешь, как жил Гораций,
Хотя и не поэт...*

В этом стихотворном послании Пушкин обращается к другу с позиций изгнанного императором Августом поэта Овидия. Вяземский, как известно, прославлял золотой век Горация. В отличие от Овидия, Гораций не знал «черных бед», не был сослан, а напротив, был приближен к власти и обласкан императором. Пушкин из Михайловского заточения, обращаясь к *счастливому баловню судьбы*, избежавшему Сибири, как будто бы разделяя с другом его эпикурейство, нарочито внезапно эпатирует и адресата, и читателей неожиданным резким финальным выпадом: «Хотя и не поэт...».

Надо сказать, что Вяземский мистифицировал и друзей, и соглядатаев, старательно играя роль ленивца, сибарита, стихи писал редко, занимался литературной и театральной критикой. Мало писал не из лени – из осторожности. За ним был установлен тайный полицейский надзор, его письма перлюстрировались. Он избрал добровольное уединение в подмосковном имении Остафьево. В своих стихах он простодушно делился с друзьями и читателями желанием пребывать

*Под безмятежной сенью,
Куда укрылся я от шума и от гроз,
На ложе сладостном из маков и из роз,
Разостланном счастливой ленью,
Понежиться еще в безвестности своей!*

Однако за этой иронией сквозит скрытая горечь.

Пародийные стихи Вяземского пользовались заслуженной славой. Но порой поэтическая муза изменяла ему, и он писал «темно и вяло».

К поэтическому творчеству Вяземского Пушкин относился порой весьма критично. В письме к Вяземскому от 27 марта 1816 года Пушкин назвал его «рассуждающим» поэтом. Вяземский *неумчив* в том, что последовательно, не зная остановок, предается *нравоучительной* поэзии, неким моральным проповедям. К чести Вяземского, он был самокритичен и мог весьма снисходительно относиться к собственным поэтическим опытам. В широко известном послании «К друзьям» Вяземский дает оценку своим виршам:

*«И пальцем на меня указывая свет / Не говорит:
вот записной поэт!»*

Стихотворение «К мнимой счастливице» не отмечено живым чувством. Оно являет собой перечень нравоучений, обращенных к девушке, с практическими советами «не выходить замуж за нелюбимого». Рационалистический, утомительный стиль стихотворения в 26 строф! Пушкин не смог не откликнуться на менторский стиль стихотворения репликой об истинной природе поэзии – не морализаторской, а образной, заметив, что водевили Вяземскому удаются куда лучше. Пушкинские современники, да и сегодняшние читатели послания «К мнимой счастливице» сетуют, что от его чтения «сводит скулы». ¹² Пушкин считал, что рассудочность неуместна в поэзии, и крайне скептически воспринимал «излишество рассуждений», подчиненность линейному мышлению, дидактизм. Рациональный ум враждебен поэзии, он не терпит свободы, не терпит божественной стихии, он пытается обуздать и укротить свободное течение поэтической силы и вдохновения.

Владислав Ходасевич, размышляя над смыслом пушкинской фразы, заметил: «До тех пор, пока слово “глуповата” мы будем понимать в обычном, прямом значении, то есть в значении “умственно пониженная”, мы не только верного, но и просто разумного, достойного ответа на эти недоумения не найдем.

Нам волей-неволей придется либо допустить, что и в расширенном виде пушкинская формула остается ошибочной (если не вовсе нелепой), – либо попытаться угадать, в каком ином, условном смысле можно принять в данном случае слово «глуповата». Первое отпадает само собой, явно опровергаемое всей поэзией Пушкина и всей его личностью, – и, следовательно, нам остается только второе <...> В действительности это, конечно, не глуповатость, не понижение умственного уровня, но *перенесение его в иную плоскость и, соответственно, перемена «точки зрения»*. По Пушкину, «глуповатость» основана именно на «сочетании смешного с важным». Афоризм о «глуповатости» поэзии на самом деле скрывает истину Пушкина о мудрости поэта. Поэзия есть мудрость, которая «глуповата». Пародия есть «глупость», которая «мудровата» ¹³.

Философ С. Л. Франк справедливо указал на обманчивость пушкинской фразы для легковерных читателей. «Пушкину слишком на слово поверили в его утверждение, что “поэзия, прости Господи, должна быть глуповата”. В этом сужде-

нии выражено, однако, лишь эстетическое *отрицание тяжеловесного дидактизма в поэзии, переобремененности поэзии педантическими рассуждениями*. «Рассуждений» и «теорий» в поэзии Пушкина действительно не найти; но размышлений, интуитивных мыслей – во всех психологических оттенках, начиная от отдельных блесков остроумия и кончая глубоким и тихим раздумьем, нравственным и религиозным, – в поэзии Пушкина бесконечно много»¹⁴.

Вывод, который можно сделать из этого пушкинского сюжета – поэзия (а шире – сфера искусства), по Пушкину, – муза игривая, ветреная, насмешливая, юродивая, независимая, ей не по нраву прокрустово ложе рационализма и утилитаризма, она обитает в иных измерениях.

¹ К. С. Станиславский. Работа актера над собой. Собрание сочинений в девяти томах. Том 2. М.: Искусство, 1989. С. 180.

² Вяземский П. А. Письмо Пушкину А. С., 10 мая 1826 г. Москва // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. – Переписка, 1815–1827. – С. 276.

³ Жуковский В. А. Письмо Пушкину А. С., 12 апреля 1826 г. Петербург // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13. Переписка, 1815–1827. С. 271.

⁴ Пушкин А. С. Mon Portrait. <Стихотворения лицейского периода> 1814 // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 1. Стихотворения, 1813–1820. – 1977. – С. 24–81. Оригинал написан на французском языке.

*Vrai démon pour l'espieglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie.
Ma foi, voilà Pouchkine.*

В переводе Андрея Чернова:
*Проказник суций, суций бес
И обезьянья рожа,
К тому ж повеса из повес –
Вот Пушкин. Что, похоже?*

⁵ Эда – героиня одноименной поэмы Е. Баратынского, барышня, обольщенная офицером.

*Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя Чухоночка, ей-ей,*

Гречанок Байрона милей, – так оценивал Пушкин в том же 1826 году поэму Е. Баратынского в послании к поэту. В контексте письма Пушкина Вяземскому под именем Эда подразумевается крестьянка Ольга Калашникова.

** Под «упрямством» Пушкин имеет в виду свою участь опального поэта, которому гордится.

*** Не случайно Набоков, постоянно перечитывающий и цитирующий Пушкина, употребляет пушкинское определение в контексте телесных радостей.

⁶ Вяземский П. А. Письмо Пушкину А. С., конец мая (?) 1824 г. Москва // Переписка А. С. Пушкина: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 1. – С. 177–178. – (Переписка русских писателей).

⁷ Вяземский П. К друзьям. Вяземский П. А. Сочинения: в 2-х т. – М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. Стихотворения. С. 38.

⁸ Пушкин А. С. Письмо Вяземскому П. А., 7 июня 1824 г. Одесса // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Письма. С. 96–97.

*** Николка Железный Колпак – прозвище московского юродивого, о котором рассказывает в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин.

⁹ Пушкин А. С. Письмо Вяземскому П. А., 13 и 15 сентября 1825 г. Михайловское // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Письма. С. 225.

¹⁰ Там же, стр. 240.

¹¹ Пушкин А. С. К портрету Вяземского. 1820 // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – Т. 2. 1977. – С. 15.

¹² Щит Персея. Лев Лосев отвечает на вопросы Дмитрия Бавильского // Топос. Сетевой литературно-философский журнал, 2007, № 7. URL: <http://www.topos.ru/article/5710>.

¹³ Ходасевич В. Ф. Глуповатость поэзии // Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник: Избранное. М.: Советский писатель, 1991. – С. 191–196.

¹⁴ Франк С. Л. О задачах познания Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. – М.: Книга, 1990. – С. 432.